

Валерий Брюсов (1873–1924)

Литературной деятельностью Брюсов начал заниматься в 1890-х. Вместе с Н. Минским, Д. Мережковским, З. Гиппиус, К. Бальмонтом он стал одним из зачинателей русского символизма. Брюсов обладал необыкновенным трудолюбием и эрудицией. Его деятельность включала в себя три основные сферы: организаторскую работу по сплочению сил символистской литературы, статьи и рецензии и, наконец, собственно художественное творчество.

В 1894–1895 он подготовил и издал три сборника «Русские символисты», где поместил преимущественно свои собственные оригинальные и переводные стихотворения (позже объединенные в цикл «Juvenilia»). Эти стихотворения, а также вошедшие в сборники «Chefs d'oeuvre» («Шедевры, 1895) и «Me eum esse» («Это — я», 1887) относятся к раннему периоду творчества поэта. Главной их темой становится утверждение полной свободы творческой личности и ее абсолютной независимости от житейского. Большое место в ранней лирике Брюсова занимают логические заимствования из В. Соловьева. В области формы ее основой становится импрессионизм, подражание западным символистам. Уже в первых книгах Брюсова появляется мысль о грядущих поколениях, которым предстоит обновить жизнь. Впоследствии она оформится в самостоятельную историческую и художественную концепцию.

В брошюре «О искусстве», вышедшей в 1899, подводится итог первым годам поэтической деятельности Брюсова. Основная ее мысль: художник должен «раскрыть другим свою душу». Поэт поясняет: художнику доступно все; дело не в том, к какой школе он принадлежит, а в том, насколько он «полно пересказал свою душу». Брюсов признает равные права и за поклонниками «чистой красоты», и за теми, кто занят «гражданскими вопросами»: «...Сущность в художественном произведении — душа ее творца, и не все ли равно, какими путями мы подойдем к ней!»

Это положение, определившее созданную Брюсовым программу русского символизма и характер его собственного творчества, было затем четко сформулировано в предисловии к его сборнику «Tertia vigilia» («Третья стража», 1900): «Было бы неверно видеть во мне защитника каких-либо особенных взглядов на поэзию. Я равно люблю и верные отражения зимней природы у Пушкина или Майкова, и прорывания выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем Некрасова... Я полагаю, что задачи “нового искусства”... — даровать творчеству полную свободу... Кумир Красоты столь же бездушен, как кумир Пользы». Сборником «Tertia vigilia» завершается первый период творчества Брюсова. Поэтические декларации, прямо перекликающиеся с предисловием, занимают в сборнике значительное место. Стремление Брюсова видеть в искусстве выражение разных сторон личности показательно в стихотворении «Мой дух не изнемог во мгле противоречий», завершающемся строфой:

И странно полубил я мглу противоречий,
И жадно стал искать сплетений роковых,
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Эту же точку зрения он высказывает и в письме к Бунину от 28 марта 1899: «Есть только один храм, где можно молиться, — Пантеон, храм всем богам, и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. “Я” это такое сосредоточие, где все различия гаснут, все предельд примиряются». В «Tertia vigilia» Брюсов впервые заявляет о себе и как поэт-урбанист. Город предстает перед ним враждебным скоплением людей и домов:

Здания — хищные звери,
С сотней ненасытных утроб!
Страшны закрытые двери,
Каждая комната — гроб...

Новый период творчества Брюсова открывается сборником «Urbi et orbi» («Граду и миру», 1903), художественная концепция которого определяется центральной для зрелого творчества Брюсова проблемой соотношения современности и истории. «Знаки тревоги» проступают в окружающем мире:

И ныне я на третьей страже!
Восток означился, горя.
И заливают нити пряжи
Кровавым отблеском заря.

Мир воспринимается Брюсовым как нечто постоянно видоизменяющееся и обновляющееся. Изменяется время, изменяется во времени и человек, он должен подчинить себя закону движения, закону всеобщего обновления. Этой теме посвящено стихотворение «Искушение»:

Я иду. Спотыкаясь и падая ниц,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайных границ,
Или в знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, как первый в раю,
В говорящий и манящий сад,
Но одно — навсегда, но одно — сознаю:
Не идти мне назад!

В 1904 Брюсов выступает в организованном им журнале «Весы» с программной статьей «Ключи тайн». Провозглашая, как и прежде, полную свободу и независимость художника от каких бы то ни было обязательств, он ратует за синтетический подход к искусству, совмещение поклонения «кумиру пользы» и «кумиру красоты». В статье он пытается дать ответ и на вопрос взаимоотношений искусства и общественной борьбы, возникший в ходе полемики с Горьким. Вмешательство в политическую борьбу не дело художника. Только в духовном раскрепощении личности, даруемом искусством, Брюсов видит силу, способную изменить судьбы мира: «Не мешайте же новому искусству в его, как иной раз может показаться, бесполезной и чуждой современных нужд задаче. Вы мерите пользу и современность слишком малыми мерами... Искусство, может быть, величайшая сила, которой владеет человечество. В то время как все ломы науки, все топоры общественной жизни не в состоянии разломать дверей и стен, замыкающих нас, — искусство таит в себе страшный динамит, который сокрушит эти стены, более того — оно есть тот сезам, от которого эти двери раскроются сами».

В 1905 выходит статья Брюсова «Свобода слова», направленная против работы Ленина «Партийная организация и партийная литература». Выступая в ней не только от своего имени, но и как глава группы литераторов-символистов, объединившихся вокруг журнала «Весы» и издательства «Скорпион», Брюсов протестовал против «утилитаризма» искусства и его связей с классовой борьбой, проповедуя призыв к независимому, свободному искусству. Свобода убеждений оставалась для него превыше всего: «...Пока вы и ваши идете походом против существующего «неправого» и «некрасивого» строя, мы готовы быть с вами, мы ваши союзники. Но как только вы заносите руку на самую свободу убеждений, так тотчас мы покидаем ваши знамена. «Коран социал-демократии» столь же чужд нам, как и «коран самодержавия». Автономность искусства была и остается основой самосознания Брюсова. «Искусство автономно: у него свой метод и свои задачи», — неустанно повторяет он («О «речи рабской» в защиту поэзии»). Широта творческого диапазона резко выделяет поэзию Брюсова на фоне творческих процессов 1900-х. В стремлении доказать возможность существования независи-

мой от политической и иной злобы дня поэзии он использует образы героев самой различной общественно-политической ориентации и окраски, привлекая не только факты настоящего времени, но и глубокой истории, исторические легенды, мифы и предания.

Жизнь в ее конкретной исторической данности становится главным объектом нового этапа творчества Брюсова. Еще в «*Tertia vigilia*» возникает городской пейзаж Брюсова. Продолженная в «*Urbi et orbi*», эта линия окончательно сложится в следующем сборнике «*Stephanos*» («Венок», 1906). «Символизм в поэзии — дитя города... Символам просторно играть среди прямых каменных линий, в шуме улиц, в волшебстве газовых фонарей и лунных декораций» (И. Анненский). Множество людей, экипажи и автомобили, случайные встречи, шум улиц, публичные и игорные дома, рестораны, бульвары, уличные фонари, витрины магазинов, поезда привлекают взгляд Брюсова. Всего этого не знала лирика символистов до него. Брюсов ввел в поэзию символизма и новых героев — каменщиков, фабричных. В их быте поэт видит непосредственное отражение истории, полное подспудного биения еще не раскрывшихся сил.

Обладающий подобно Блоку обостренной чуткостью к общественным переменам, к сдвигам истории, Брюсов интенсивно и напряженно переживает происходящие вокруг исторические события, во многом повлиявшие на поиски новых путей развития: «...Настал час, день, когда идти дальше по той дороге, по которой я шел, некуда... Творить дальше в том же духе — значило бы повторяться, перепевать самого себя. Это может Бальмонт, я этого не могу... Я должен все силы своей души направить на то, чтобы сломать преграды, за которыми мне откроются какие-то новые дали...»

Более всего Брюсова волнует судьба культуры. Идея гибели общества и последующего всеобщего запустения впервые была высказана в поэме «Замкнутые» («*Tertia vigilia*»): «И будут волки выть над опустелой Сеной, и стены Тоуэра исчезнут без следа». В стихотворении «Грядущие гунны» он повторяет страшную картину всеобщего разрушения в более конкретных образах:

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!

Во многом изменяются и взгляды Брюсова на роль искусства и его взаимоотношения с действительностью. Следующий сборник — «Все напевы» (1909) — отличается повышенной социальной контрастностью в образе города, получившем окончательную завершенность. Теряет свою декоративность история, оцениваемая не только с внешней стороны. Появляется и совершенно новая тема — тема природы (убежище от суеты и угнетающих противоречий).

В период 1910–1914 в творчестве Брюсова наступает спад. Его стихи утрачивают свойственную им прежде энергию мысли, становятся вялыми, бесцветными. В 1912 Брюсов пишет стихотворение «Памятник», пытаюсь продолжить традицию, утвержденную в русской поэзии Державиным и Пушкиным. Но если Державин и Пушкин видели свое право на бессмертие в заслугах перед обществом, то Брюсов переводит разговор в плоскость отвлеченного бессмертия поэтического искусства.

Распад певучих строф в грядущем невозможен, —
Я емь и вечно должен быть.

Начавшаяся мировая война поначалу увлекла поэта. Ему показалось, что именно тогда мог решиться вопрос, будет ли Россия великим европейским государством или останется полуазиатской страной. Он выступает в газетах с патриотическими

стихами, выпускает сборник «Семь цветов радуги» (1916), куда входят несколько циклов стихотворений, посвященных войне. Брюсов едет на фронт военным корреспондентом, но вскоре в его настроениях происходит переворот, наступает разочарование.

Разрушившие старый мир революционные события 1917 безоговорочно приветствуются Брюсовым. Быстрое и непосредственное включение в революцию во многом обуславливалось убежденностью поэта в неизбежности и исторической справедливости свершившегося. В 1919, обращаясь к «товарищам интеллигентам», Брюсов пишет:

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упитья бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

В 1919 Брюсов вступает в ВКП(б). В эти годы он активно занимается творческой и организаторской работой. Книжная палата, Наркомпрос, организованный по его почину Литературный институт, в котором он стал ректором и преподавателем, — лишь небольшая часть его деятельности.

В 1923 в Москве в Большом театре торжественно отмечался пятидесятилетний юбилей Брюсова. Но его здоровье было уже подорвано; через девять месяцев, в октябре 1924, Брюсов умер от крупозного воспаления легких.

Жизнь Валерия Брюсова — истинный подвиг труда. Его начитанность и эрудиция вызывали почтительное удивление у всех, кто с ним сталкивался. За пятьдесят с небольшим лет своей жизни он выпустил восемьдесят книг. Брюсов писал не только стихи и поэмы, но и прозу, много переводил, особенно любимых им латинских и французских поэтов, знаменитого фламандца Верхарна. Брюсов был замечательным историком литературы и критиком, теоретиком стиха. Он усердно изучал творчество Пушкина, Тютчева, Баратынского и других деятелей литературы, посвятил их творчеству глубокие исследования. История культуры античного мира и эпохи Возрождения, время Пушкина в России, философия древних и новая философия, история математики, читаемая им специальным курсом в университете, средневековые оккультные науки и многое другое входило в круг интересов Брюсова. В своем дневнике, перечислив все области наук, которые знал и которыми хотел бы овладеть, он записал: «Боже мой! Боже мой! Если бы мне жить сто жизней — они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня!»